
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Сергей Давыдов

ЗАБОТА О БЛАГОПОЛУЧИИ ПОДДАННЫХ В РАННИХ ГОСУДАРСТВАХ

В настоящее время концептуализация понятия социальной политики продолжается. Это дает основания допустить, что оно может освободиться от референций к только индустриальному обществу, которые приписываются сегодня большинством специалистов. Такое допущение имеет эмпирические подтверждения. Известно, что во многих государствах Древнего мира осуществлялись мероприятия, направленные на поддержание приемлемого уровня благополучия, социальной защищенности и общественной солидарности. Они были регулярными, инкорпорированными в формальные институты и имели прочную культурную легитимацию. Древние государства не являлись социальными государствами в строгом смысле этого слова. Но имеются основания полагать, что формирование институциональных практик социальной политики началось задолго до наступления индустриальной эпохи. Так, черты систематического регулирования социальной сферы можно усмотреть в царском праве и в законодательных актах ранних государств. И это не случайно: обладая решающей ролью в формировании механизмов социальной солидарности, правители могли проще объяснять происходящее, формировать нужные им представления, интересы и модели действий – и тем утверждать свою власть над подданными. А это дает основания полагать, что уже на самых ранних этапах развития цивилизации социальная регуляция являлась ключевой функцией государства.

Ключевые слова: социальная политика, забота, благополучие, раннее государство

Сергей Анатольевич Давыдов – д. с. н., доцент, профессор кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: licurg@inbox.ru

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-643-650

Социальная политика – достояние индустриального общества?

В настоящее время укоренилось представление о том, что институты поддержания общественного благополучия были сформированы в Западной Европе в процессе вступления экономически развитых обществ в индустриальную фазу развития, в силу чего не могут «противиться основам, на которых покоится рыночное хозяйство» (Ламперт 1994: 19). Однако есть основания предположить, что эти институты начали формироваться намного раньше. Потребность в институтах социальной политики начала обнаруживать себя уже на фазе вождества, когда домохозяйства стали включаться в процесс вертикально-интегрированного производства (Service 1971) и, следовательно, подвергаться опасности потерять место в разделении труда. Лишившись былой самодостаточности и утратив органическую связь друг с другом, домохозяйства теряли многое из того, что прежде гарантировало им приемлемое качество жизни и помощь общинников при возникновении трудных жизненных обстоятельств (Теннис 2002). В этих условиях институты солидарности племенного строя должны были уступить свое место новым институтам – которые способны обеспечивать бесперебойное функционирование домохозяйств в условиях иерархически организованного общества.

Центральное место в них занял институт редиистрибуции. Условием его формирования стало усиление экономической власти вождей. При тогдашних условиях авторитет не мог быть завоеван иначе, как лишь «посредством неформальной частной помощи людям, живущим по соседству» (Sahlins 1963: 291). Демонстрируя щедрость в ходе широких раздач своего имущества и даже актов его публичного уничтожения на патлачах (Мосс 1996: 140), лидеры вертикально-интегрированных обществ укрепляли свой авторитет, а с ним – и экономическое влияние. В результате вожди со временем сумели поставить под свой контроль значительные материальные ресурсы (Карнейро 2000), отчуждая их от домохозяйств и направляя на формирование общественных фондов потребления (Поланьи 2004: 29).

Заинтересованные в сохранении лидерства, вожди, а затем и цари, использовали ресурсы не только на содержание аппарата принуждения, но и на строительство культовых сооружений и общественных зданий, укреплявших их символическую власть. Значительная часть средств направлялась на обустройство ирригационных систем, складов для хранения рабочего инвентаря и запаса, поддержание трудовых ресурсов в пригодном для интенсивного использования состоянии (Wittfogel 1957: 27). Тем самым, укрепление власти лидера вертикально-интегрированного общества было тесно связано с его рачительным отношением к подконтрольной рабочей силе, и неизбежно требовало институционализации мер, направленных

на рациональное использование человеческого капитала, поддержание социальной стабильности и солидарности (Поланьи 2002: 72).

Социальное регулирование в секторах «ирригационного» хозяйства

Одним из первых на путь централизованного регулирования экономики и социальной сферы встал Египет Раннего царства. Хорошо известны, к примеру, древнеегипетские практики привлечения людей к государственным работам. Они свидетельствуют не только о наличии у государственных чиновников полномочий мобилизовать рабочую силу, но и об их стремлении наилучшим образом соединить способности работника с требованиями, предъявляемыми к нему рабочим местом, а также обеспечить место в системе разделения общественного труда даже самым социально уязвимым категориям населения. В одном из нарративов распределение трудовых ресурсов описывается так:

Делают смотр всякому народу, берут из них лучших... Мальчик – провожатый у воина, юноша – новобранец, старик отдан в земледельцы, хромой – в привратники, слепой – в откормщики волов (Францев 1955: 335).

Важно отметить, что подобные решения были легитимированы господствующей в Древнем Египте государственной этикой, требующей от правителей и чиновников осуществлять ненасильственные меры, направленные на поддержание социальной стабильности и благополучия подданных (Sethe 1912: 16). Например, Рамзес III не скрывал своего желания сохранить в веках память о том внимании и заботе, которой он окружал подданных в период своего правления:

Я обеспечивал пропитанием всю страну: и мужчин, и женщин, весь египетский народ. Я приходил на помощь всякому человеку, я давал ему дыхание. Защищал я слабого от более сильного и влиятельного... Все были сыты весьма при моем правлении (Erichsen 1933: 88).

Согласно представлениям правящей верхушки Древнего Египта, подобные деяния были необходимы как проявление высшей ценности самоотреченного государственного служения (Демидчик 2005: 208).

На схожих принципах, хотя и с определенными особенностями, была организована социально-хозяйственная жизнь и в контролируемых государством секторах экономики древнего Междуречья. Основной производительной силой в них был труд свободных общинников, имевших в пользовании земельные участки (Шилук 1997: 38–50, 53; Суровень 2014: 6–32). Здесь полноправные общинники («люди») также имели обязательства перед государством, отбывая в течение четырех месяцев в году трудовую повинность. В целях наилучшего учета трудовых ресурсов

и планирования объемов работ каждому из работников приписывалась определенная доля рабочей силы (Фаминский 1987: 52–53). Вознаграждение за труд также было дифференцированным – здесь принималось в расчет как количество труда, потраченного человеком, так и его нуждаемость. Например, в городе Лагаш, согласно храмовой отчетности, получатели пайка делились на 3 категории: *lu-kur-dab-ba* – «люди, получающие кормление» (квалифицированные работники), *igi-nu-du* – «люди, получающие по отдельным табличкам», (неквалифицированные работники) и *gim-du-ti* – «рабыни и дети», в т. ч. *nu-sig* – «сироты» (Тюменев 1956: 164).

В целом, можно сказать, что в секторах «ирригационного» хозяйства ранних государств сложились устойчивые практики кодификации работников, а также статистический учет произведенных работ и централизованного распределенных ресурсов. Что, очевидно, может рассматриваться в качестве значимого признака государственной социальной политики (Twigg 2004: 421–440). С классическим пониманием социальной политики как института, призванного обеспечивать благосостояние и сплоченность населения (Titmuss 1974), хорошо соотносится и наличие в обществах ранних государств целенаправленно сформированных комплексов нормативных ролей, поддерживающих общественную стабильность и благополучие.

Социальное законодательство как средство поддержания солидарности в негосударственных секторах хозяйства Древнего мира

Государства Древней Месопотамии могут быть интересны тем, что не стремились к созданию всеобъемлющего централизованного хозяйства и предоставляли значительные права свободным общинникам. Это вполне соответствовало императивам духовной культуры шумеров и аккадцев, утверждавшей в людях чувство собственности и гедонизм, формировавшей установки на добросовестный и производительный труд (Крамер 1965: 106–108; Клочков 1983: 138). К этому можно добавить, что экономическая деятельность хозяйственных агентов Междуречья не была стеснена религией, которая «не предъявляла сравнительно серьезных притязаний ни на тело, ни на время, ни на богатство индивидуума» (Оппенгейм 1980: 179). В подобных институциональных и культурных условиях самое широкое распространение получали выглядящие вполне «рыночными» практики купли-продажи, кредита и залога, что привело к формированию своеобразной парадигмы социального регулирования, комплементарного принципам свободной экономики, но при этом направляющего действие хозяйственных агентов в приемлемое русло с помощью норм закона.

Так, хорошо понимая, что развитие товарно-денежных отношений неизбежно приведет к усилению экономического и социального расслоения, элиты шумеров и аккадцев предпринимали необходимые меры к поддержанию

общественной сплоченности путем учреждения новой формы социальной регуляции – специального социального законодательства. В результате, при наступлении трудной жизненной ситуации, полноправные могли ожидать гарантированного государством прощения долгов перед займодавцами и, за исключением позднейшего времени, даже на списание задолженностей перед государством. Подобные гарантии были даны в Законах Урунимгины (I, ст. 1–9, II, ст. 1–11), Законах Липит-Иштара (ст. 7, 9, 12–19, 26–32, 34, 36–43), Законах Хаммурапи (ст. 4, 7, 9–13, 17–18, 25, 42, 44, 46–56, 64–66, 71, 78, 90, 99, 112–116, 118, 120–125, 137–139, 141–142, 146–147, 150–152, 160–164).

Например, законы Хаммурапи (ст. 117) не только смягчали тяготы долгового рабства, вводя принцип талиона за причинение вреда должнику, но и ограничивали срок кабалы тремя годами (Коростовцев и др. 1980: 138, 161). Подобная норма, кроме прочего, была направлена на замораживание имущественного расслоения: зная предельные сроки эксплуатации заложника, тамкар (кредитор) ограничивал величину кредита, а, следовательно, повышал шансы заемщика погасить его в срок. Не случайно в Междуречье на протяжении многих столетий сохранялся достаточно внушительный слой полноправных людей.

Следует отметить, впрочем, что мере развития товарно-денежных отношений займодавец получал все больше институционально закрепленных прав (Dougherty 1920: 154). Но снижая степень защищенности зависимого населения, государство одновременно вырабатывало институты его эмансипации – например, институты «оживления» и «усыновления». «Оживление в бедственном положении» означало передачу несостоятельным отцом своей дочери на кормление «оживителю» за денежное вознаграждение. Последний был вправе эксплуатировать ее труд в своем домохозяйстве до ее выкупа родным отцом. Помимо этого, «оживитель» мог выдать девушку замуж, получив за нее «брачные дары». «Оживленная», в свою очередь, сохраняла свой статус полноправной ассирийки и получала шанс создать семью (Дьяконов 1949). Также был выгоден несостоятельному заемщику и договор о его притворном «усыновлении» займодавцем, поскольку должник по его подписанию освобождался от обязательств по займу, сохраняя за собой статус полноправного человека, лишь переходя вместе со своим имуществом под опеку нового патриархального «отца» (Коростовцев и др. 1980: 209). Легитимируя подобные практики, государство использовало экономические интересы хозяйственных агентов в целях социальной поддержки лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

***

Исторический опыт свидетельствует, что элиты ранних государств осуществляли социальное регулирование – либо в ходе редистрибуции, либо путем принятия социального законодательства, регламентировавшего роли хозяйственных агентов и направляющего их действие в требуемое русло.

Обладея решающей ролью в формировании механизмов социальной солидарности, правители могли проще объяснять происходящее, формировать нужные им представления, интересы и модели действия – и тем утверждать свою власть над подданными (Бурдые 1994: 181–182). Изложенное дает основания полагать, что уже на самых ранних этапах развития цивилизации социальная регуляция являлась ключевой функцией государства как социального института, а забота о подданных уже в этот период приобрела свои ранние институционализированные формы.

Список источников

- Бурдые П. (1994) *Начала*, М.: Socio-Logos.
- Демидчик А. Е. (2005) *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*, СПб.: Алетейя.
- Дьяконов И. М. (1949) *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л.: Издательство Ленинградского Госуниверситета.
- Карнейро Р. (2000) Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лыньша (ред.) *Альтернативные пути к цивилизации*, М.: Логос: 43–67.
- Клочков И. С. (1983) *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время*, М.: Наука.
- Краммер С. Н. (1965) *История начинается в Шумере*, М.: Наука.
- Ламперт Х. (1994) *Социальная рыночная экономика: Германский путь*, М.: Дело.
- Мосс М. (1996) Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. М. Мосс (авт.) *Общества. Обмен. Личность*, М.: Восточная литература: 83–222.
- Оппенгейм Л. (1980) *Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации*, М.: Наука.
- Поланьи К. (2002) Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*, 3 (2): 62–73.
- Поланьи К. (2004) Аристотель открывает экономику. Я. Кузьминов (ред.) *Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. Альманах*, 5, М.: ГУ-ВШЭ: 9–51.
- Суровень Д. А. (2014) Процесс возникновения частной и государственной собственности (по материалам письменных источников Древней Месопотамии Протописьменного периода). *Проблемы истории общества, государства и права*, (2): 6–32.
- Теннис Ф. (2002) *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*, СПб.: Владимир Даль.
- Тюменев А. И. (1956) *Государственное хозяйство Древнего Шумера*, М.: Издательство АН СССР.
- Короستовец М. А., Кацнельсон И. С., Кузищин В. И. (ред.) (1980) *Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1*, М.: Высшая школа.
- Фаминский И. П. (ред.) (1987) *Всемирная история экономической мысли. Т. 1*, М.: Мысль.
- Францев Ю. П. (ред.) (1955) *Всемирная история. Т. 1*, М.: Политиздат.
- Шиллок Н. Ф. (1997) *История Древнего мира: Древний Восток. Изд. 2-е*, Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та.
- Dougherty R. Ph. (1920) Records from Erech, Time of Nabonidus (555–538 B.C.). *Yale Oriental Series, Babylonian Texts, Vol. 6*, New Haven: Yale University Press.
- Erichsen W. (1933) *Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription*, Bruxelles: Bibliotheca Aegyptica.
- Sahlins M. (1963) Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*, 5 (3): 285–303.
- Service E. R. (1971) *Primitive Social Organization. 2nd ed.*, New York: Random House.
- Sethe K. (1912) Urkunden des mittleren Reiches. *Urkunden des ägyptischen Altertums*, VII: 14–16.
- Titmuss R. (1974) *Social Policy – An Introduction*, London: Allen and Unwin.
- Twigg J. (2004) The body in social policy: mapping a territory. *Journal of Social Policy*, (31): 421–440.
- Wittfogel K. A. (1957) *Oriental despotism: a comparative study of total power*, New Haven: Yale University Press.

Sergey Davydov

STATE WELFARE PROVISIONS IN THE ANCIENT WORLD

Currently, the conceptualization of social policy is far from complete. A common assumption among expert opinion is that social policy is a phenomenon purely of modern, industrial society. Empirical evidence, however, offers strong refutation of this contention. Many states of the Ancient world implemented policies aimed at providing an acceptable level of well-being, social protection and social solidarity. Our analysis shows that these policies were far from accidental. On the contrary, they were regular, incorporated into existing formal institutions and imbued with strong cultural legitimacy. Of course, these ancient states were not 'welfare states' in the strictest sense of the term. It can be argued, however, that the institutional practices of social policy began long before the onset of the industrial age. Systematic regulation of the social sphere can be found in the royal right of early states and in the laws of ancient empires. Obviously, the formation of social solidarity mechanisms allowed elites to interpret the processes taking place in society more easily, to form the necessary representations, interests and models of action and, consequently, to assert power over their subjects. And this gives us grounds to conclude that, even at the earliest stages of human civilization, the fulfillment of social obligations to the population was a key characteristic of the state as a social institution.

Keywords: social policy, care, well-being, early state

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-643-650

References

Bourdieu P. (1994) *Nachala* [In other words], Moscow: Sosio-Logos.

Carneiro R. (2000) Protsess ili stadii: lozhnaya dikhotomiya v issledovanii istorii vozniknoveniya gosudarstva [Process or stages: a fake dichotomy in studies of history of the state]. Kradin N.N., Korotaev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (eds.) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative pathways of civilizations], Moscow: Logos: 43–67.

Demidchik A.E. (2005) *Bezmyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoy Gerakleopol'skoy monarkhii* [Nameless pyramid. State doctrine of Geracliopolis monarchy in Ancient Egypt], St. Petersburg: Aleteyya.

Dougherty R. Ph. (1920) Records from Erech, Time of Nabonidus (555–538 B.C.). *Yale Oriental Series, Babylonian Texts, Vol. 6*, New Haven: Yale University Press.

D'yakonov I.M. (1949) *Razvitie zemel'nykh otnosheniy v Assirii* [Development of land relations in Assyria], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosuniversiteta.

Erichsen W. (1933) *Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription*, Bruxelles: Bibliotheca Aegyptica.

Sergey A. Davydov - Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor, Department of Sociology and Psychology, St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: licurg@inbox.ru

- Faminskiy I. P. (ed.) (1987) *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli* [World history of economics]. Vol. 1, Moscow: Mysl'.
- Frantsev Yu. P. (red.) (1955) *Vsemirnaya istoriya* [World History]. Vol. 1, Moscow: Politizdat.
- Klochkov I. S. (1983) *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [Spiritual Cultures of Babylon: Human, Fate and Time], Moscow: Nauka.
- Korostovtsev M. A., Katsnel'son I. S., Kuzishchin V. I. (ed.) (1980) *Khrestomatiya po istorii drevnego Vostoka* [Collected Volume on the History of the Ancient East]. Part 1, Moscow: Vysshaya shkola.
- Kramer S. N. (1965) *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History starts in Sumer], Moscow: Nauka.
- Lampert Kh. (1994) *Sotsial'naya rynochnaya ekonomika: Germanskiy put'* [Social Market Economy: The German way], Moscow: Delo.
- Mauss M. (1996) *Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaischeskikh obshchestvakh* [The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies]. M. Mauss (aut.) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Person], Moscow: Vostochnaya literatura: 83–222.
- Oppenheim L. (1980) *Drevnyaya Mesopotamiya: portret pogibshyey tsivilizatsii* [Ancient Mesopotamia: A Portrait of the Dead Civilization], Moscow: Nauka.
- Polanyi K. (2002) *Ekonomika kak institutsional'no oformlennyy protsess* [The Economy as an Instituted Process]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 3 (2): 62–73.
- Polanyi K. (2004) *Aristotel' otkryvaet ekonomiku* [Aristotle Discovers The Economy]. Ya. Kuzminov (ed.) *Istoki. Ekonomika v kontekste istorii i kul'tury. Al'manakh* [The Beginnings. Economics in History and Culture. Collected Volume], Vol. 5, M.: GU-VShE: 9–51.
- Sahlins M. (1963) *Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. Comparative Studies in Society and History*, 5 (3): 285–303.
- Service E. R. (1971) *Primitive Social Organization. 2nd ed.*, New York: Random House.
- Sethé K. (1912) *Urkunden des mittleren Reiches. Urkunden des ägyptischen Altertums*, VII: 14–16.
- Shilyuk N. F. (1997) *Istoriya Drevnego mira: Drevniy Vostok. Izd. 2-e* [The History of the Ancient World: Ancient East. 2nd Ed.], Ekaterinburg: Izd. Ural. un-ta.
- Suroven' D. A. (2014) *Protsess vozniknoveniya chastnoy i gosudarstvennoy sobstvennosti (po materialam pis'mennykh istochnikov Drevney Mesopotamii Protapis'mennogo perioda)* [The Process Behind the Emergence of Private and Public Properties (Based on Data from Written Sources of Ancient Mesopotamia of the Earlier Written Period)]. *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava* [Issues of history of society, state and law], (2): 6–32.
- Titmuss R. (1974) *Social Policy – An Introduction*, London: Allen and Unwin.
- Tönnies F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and Society. Basic Terms of Pure Sociology], St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Twigg J. (2004) *The Body in Social Policy: Mapping a Territory. Journal of Social Policy*, (31): 421–440.
- Tyumenev A. I. (1956) *Gosudarstvennoe khozyaystvo Drevnego Shumera* [The State Economy of Ancient Sumer], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Wittfogel K. A. (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven: Yale University Press.